

Живет в г. Алматы (Казахстан). Визитная карточка участника.

Русалочка

Горе, как нитки, скручу в клубок,
саван свяжу, порыдаю всласть я.
Ганс, ты когда-то сказал, что Бог
не забирает не знавших счастья.
После не страшно себя терять...

Чушь! Ведь потери – всегда потери.

Если бы время метнулось вспять, словно волна, набежав на берег,
может быть я... Впрочем, нет. К чему?! Путь выбирает по силам каждый.

Думаю, сёстры меня поймут, бабушка тоже простит однажды.

Знаешь, недавно мне снился дом: тёплое море, где стаи рыбок
пёстрым ковром выстилают дно – все его впадины да изгибы.

Я ощущала дыханье волн, слушала шёпот и смех актиний.

Трогала пальцем небесный склон: бархатный, мягкий, лилово-синий.

Видела белых чудесных птиц, солнечный свет, а потом ненастье...

Утром проснулась, а рядом – принц... нежно целует мои запястья.

В светлых глазах и любовь, и боль: неотвратимой беды предтечи.

Шепчет: «Любимая, я с тобой через года прошагал бы в вечность.

Но для другой я храню обет: воля отца да в казне прорехи».

Зыбкая радость страшнее бед. Лучше б её не познать вовеки.

Боже, как трудно сейчас дышать, медленно плыть в пустоту Вселенной.

Ганс, напиши, что моя душа стала наутро морской пеной.

Мол, родилась я с большим хвостом; ноги достались, как божья кара.

Но никогда не пиши о том, будто бы счастье дается даром.

Привокзальная скамья

Я тридцать лет, отчаявшись, жила

В застенках одиночества, где память,

Застывшая, как древняя смола,

Вдруг начинала плавиться и таять.

И прошлое желтело по краям,

И сыпалось трухой неудержимо.

Но странно... привокзальная скамья

Мне помнилась до пепельных прожилок,

До крапинок. Отсюда на войну

Ты уходил – и я потом годами

Тебя ждала, в растаяв в тишину,

В колесный стук, рожденный поездами.

Я помнила почти наверняка:

Последний вечер, лунная медяшка,

Ты – в стоптанных кирзовых сапогах,

В потертой кепке, в куртке нараспашку,

Обняв меня, забыв про сотню бед,

Пытаешься шутить и что-то шепчешь...

Танцует на листе фонарный свет,

Пыхтит состав унылый, бесконечный.

И счастье обрывается, как нить...

В истошных криках путается осень.

А лавочка вокзальная хранит

Твое тепло...
Я долго буду после
Ходить сюда, смотреть на поезда,
На выжженное небо, пыльный ветер.
И помнить, как отсюда навсегда
Ты уходил.
В холодном сорок третьем.

Метель

Летела с неба мокрая труха,
Метель студила степь – ломоть вселенной,
Лохматила встревоженные тучи.
И словно плетью огненно-колючей
Хлестала беспощадно и умело
Отару и парнишку–пастуха.

Крошился мир на белые куски,
Безумствовало вьюжное ненастье.
Рождалась необузданная сила,
Крепчала и живое хоронила
В жестокой, ненасытной снежной пасти
На краешке фарфоровой реки.

Забиться сном хотелось пареньку,
Ослабить вожжи, спрыгнуть с вороного,
Прижать к груди замерзшие колени,
Не отпуская странное виденье,
В котором жизнь – под солнечным покровом,
И васильки за домом, на лугу.

Мерещилась июльская гроза,
Смешливый взгляд соседки – Катерины,
Горячий шепот: «Ну тебя! Пусти же!»
...Казался снег душистым, теплым, рыжим.
Он лип к лицу, как будто паутина,
Слепил, искрясь, уставшие глаза.

Наваливался сон. Мела беда,
И саванное ткалось одеяло,
Кроила ночь причудливые тени,
А где-то в складках пряных сновидений
Фонарное сияние всплывало,
И чьи-то голоса: «Он здесь! Сюда!»

